

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 4, pp. 777–787, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований)

Юлия Юрьевна Эрендженова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат философских наук, ассистент кафедры

 0000-0001-5387-9731. E-mail: yulia.er16@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Эрендженова Ю. Ю., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье проводится анализ буддийского защитного ритуала против злословия, популярного в среде калмыцких буддистов в форме обряда отрезания «черного языка». Несмотря на то, что исследования доказывают прямую связь обряда с добуддийскими верованиями, крайне противоречивым видится его практика священнослужителями, активно пропагандирующими буддийские идеи сострадания и ненасилия. *Целью* настоящей работы является обнаружение этических оснований обряда отрезания «черного языка» в системе буддийских защитных ритуалов и его потенциала для личностного развития. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели применяется комплексная методология: антропологический и междисциплинарный подходы, этический анализ, герменевтический метод. Важным дополнением является системный подход культурной антропологии, в соответствии с которым следует признавать теоретическую и методологическую ценность разработок буддийских авторов. В качестве основных материалов исследования используются ойратский текст «Хага келен» и его русские переводы, тибетский текст «Святая махаянская сутра, называемая „Умиротворение черных споров“». *Результаты.* Обряд отрезания «черного языка» — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери имущества и т. д.), вербально спровоцированные недоброжелателями. Определено, что в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания «черного языка» приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции. В том случае, когда верующий не понимает сущности обряда, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой. *Выводы.* С учетом буддийского подхода к толкованию смысла защитных ритуалов становится очевидной непротиворечивость обряда отрезания «черного языка» буддийской этике. При такой интерпретации и соответствующем

практическом применении защитный обряд может быть одним из способов личностного развития верующих.

Ключевые слова: буддийская культура, защитный ритуал, калмыки, обряд отрезания «черного языка», буддийская этика, личностное развитие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Для цитирования: Эрендженова Ю. Ю. Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 777–787. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

The Rite of Cutting off the ‘Black Tongue’ — and Buddhist Protective Ritual: Contradictions of Ethical Grounds Analyzed

Yulia Yu. Erendzhenova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Lecturer

 0000-0001-5387-9731. E-mail: yulia.er16@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Erendzhenova Yu. Yu., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes the Buddhist protective ritual against slander popular among Kalmyk Buddhists in the form of the rite of cutting off the ‘black tongue’. Despite studies prove a direct connection between the rite and pre-Buddhist beliefs, its practice by clerics who actively promote the Buddhist ideas of compassion and non-violence seems extremely controversial. **Goals.** The study aims to discover ethical foundations of the rite of cutting off the ‘black tongue’ within the system of Buddhist protective rituals and its potential for personal spiritual development. **Materials and methods.** The work employs a complex methodology that includes anthropological and interdisciplinary approaches, ethical analysis, hermeneutic method. An important addition is the systematic approach of cultural anthropology according to which the theoretical and methodological significance of Buddhist scholars’ developments should be duly recognized. The study focuses on the Oirat text titled ‘Xara kelen’ and its Russian translations, a Tibetan text of The Noble Mahayana Sutra Entitled ‘Pacification of Black Disputes’. **Results.** The rite of cutting off the ‘black tongue’ serves to protect from existential problems (disease, failures in study and work, problems in personal relationships, loss of property, etc.) verbally provoked by ill-wishers. The paper clarifies that in the system of Buddhist protective rituals, the rite of cutting off the ‘black tongue’ acquires features of a spiritual practice performed to acquire Buddhist wisdom and develop altruistic intention rather than a religious action as such. If a believer does not understand the essence of the rite, he/she resorts to it in order to eliminate real obstacles allegedly provoked by others — and only in this case the practice of this rite acquires visible contradictions with Buddhist ethics. **Conclusions.** If one adopts the Buddhist approach to semantic interpretations of protective rituals, the consistency of the rite of cutting off the ‘black tongue’ to Buddhist ethics becomes obvious. With such interpretations and a corresponding practical application, the protective rite can serve a path for personal development of believers.

Keywords: Buddhist culture, protective ritual, Kalmyks, rite of cutting off the ‘black tongue’, Buddhist ethics, personal development

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00118 ‘Russia and the Buddhist World in the Discourse of Philosophical Oriental Studies’.

For citation: Erendzhenova Yu. Yu. The Rite of Cutting off the ‘Black Tongue’ — and Buddhist Protective Ritual: Contradictions of Ethical Grounds Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 777–787. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

Введение

Значимость существующих религиозных культур определяется степенью их воздействия на сознание верующих. Когда такое воздействие оценивается как существенное, возрастает необходимость детального исследования всех аспектов наиболее распространенных религиозных практик, включая защитные ритуалы.

Религиозную культуру калмыков важно рассматривать как многогранную традицию, сложившуюся в процессе длительного взаимодействия буддизма с добуддийскими верованиями [Бакаева 2008: 176–178].

Среди разных по своей практической направленности защитных ритуальных практик, существовавших у калмыков как в добуддийский период, так и после принятия буддизма, следует особо выделить два наиболее древних и активно практикуемых обряда. Это обряд жертвоприношения «хозяевам земли и воды», непосредственно связанный с культом Белого старца, и обряд отрезания «черного языка», представляющий своеобразную защиту от проклятий либо отвращение всякого злословия.

Если культ Белого старца, текстовая и иконографическая традиции, связанные с этим культом, всегда были в поле интереса широкого круга монголоведов [Позднеев 1887; Heissig 1966; Герасимова 1980; Sárközi 1983; Futaki 2005; Altan 2007; Birtalan 2013; Дулам 2018], то интерес к обряду отрезания «черного языка» ограничивается лишь рамками калмыковедения [Очиров 1909; Бичеев 2006; Борджанова 2007; Бичеев 2014; Музраева 2018].

По всей видимости, феномен особой популярности этого защитного обряда существовал преимущественно в ареале ойратской религиозной традиции, на основе которой сформировалась собственно калмыцкая традиция.

Об активной практике этих двух обрядовых действий свидетельствует огромное количество рукописных ритуальных текстов, появившихся уже после адаптации их к буддийскому учению. Необходимо отметить, что искоренение буддизмом некоторых древних культов проходило в довольно жесткой форме. Известно, что ойратский

религиозный деятель Нейджи-тойн (1557–1653) действовал не только увещеваниями и просьбами, но и насильно собирал *онгоны* (монг. изображения духов предков или рода) в домах верующих и сжигал их [Пурбуева 1984: 73–74].

Однако наряду с этим шел интенсивный процесс ассимиляции и наполнение буддийским содержанием не поддающихся искоренению древних религиозных культов, выражавших суть народной религиозности [Герасимова 1999: 27–28]. К примеру, ойратский буддийский монах, рабджамба Зая-пандита (1599–1662), осуществил перевод текста защитного ритуала отрезания «черного языка», хотя в его проповеднической деятельности прослеживается жесткое противостояние добуддийским верованиям [Лунный свет 2003: 161–165].

Одной из причин широкой популярности обряда отрезания «черного языка», как это ни парадоксально, оказался сам буддизм, обнародовавший текст обрядника с вкрапленными в него буддийскими формулами поклонения буддам и бодхисаттвам. Адаптированный буддизмом древний обряд получил новый импульс и значительно расширил свою первоначальную концепцию. По мнению Н. Очирова, теперь уже всякая неприятность (дурной сон, падеж любимой лошади, болезнь в семье, проявление зависти друзей, соседей и т. д.) вызывала у суеверного человека необходимость приглашения к себе духовных лиц, которые ограждали его от проклятий и бедствий распространенной мерой — проведением обряда «хара келе утулган» [Очиров 1909: 85; Бичеев 2014: 88].

В процессе обряда священнослужители острым ножом отрезают черные и белые нити, символизирующие проклятия и лесть соответственно. По данным современных полевых исследований, многие люди по-прежнему верят в силу «черного языка» и обращаются к нему. Данный ритуал считается верующими буддийским, поскольку в нем присутствуют элементы поклонения буддийским божествам, а его текстовая форма традиционно называется сутрой [Борджанова 2007: 141–165]. Все это сказалось на устойчивости и значимости этого обряда

в калмыцком обществе, который продолжал сохраняться даже в условиях атеистической политики советского времени [Музраева 2018: 78].

Калмыцкие исследователи отмечают, что ритуал отрезания «черного языка» является древним языческим обрядом, сопровождающимся чтением молитвы, которое было утверждено Зая-пандитой. В частности, в первом русском переводе текста ритуала, выполненного Н. Очировым, указано, что текст молитвы «сочинил мудрый лама Зая-пандита» [Лунный свет 2003: 252].

Известный калмыцкий монголовед А. В. Бадмаев отмечает, что Зая-пандита известен не только как переводчик буддийских религиозно-философских трактатов, но и как духовный глава ойратской монашеской общины, установивший правила принятия различных обетов монахами, правила принятия посвящений и пр. [Лунный свет 2003: 252]. В ряду 186 произведений, переведенных Зая-пандитой, под № 19 значится текст «Хара келен» [Раднабхадра 1999: 62].

Действительно, анализ содержания многочисленных рукописей «Хара келен» показывает, что в каждом из них обнаруживается имя Зая-пандиты в качестве составителя этого текста [Бичеев 2014: 91]. Тем не менее исследователи отмечают, что данный текст по своей природе не является буддийским, так как буддийские вкрапления были добавлены намного позднее. Это, в свою очередь, ставит под сомнение его преемственность от тибетской буддийской традиции [Бичеев 2006: 360].

Исходя из вышеприведенных мнений исследователей, отметим преобладание точки зрения о небуддийской природе защитного обряда отрезания «черного языка» и в то же время его крайней популярности среди тех, кто мыслит себя правоверным буддистом. Так, обряд отрезания «черного языка» на протяжении долгого времени органично сосуществует с буддийской религиозной практикой в калмыцком обществе.

В этой связи вполне естественно возникает вопрос о некотором противоречии этических оснований данного религиозного обряда с этикой буддийского учения, поскольку буддизм, прежде всего, представляется как религиозно-этическая система, отказывающаяся от какого бы то ни было причинения вреда. На основании этого, к

примеру, обосновывается идея значимости в международных отношениях буддийской дипломатии как «мягкой силы» [Кузнецов 2006; Китинов 2015]. Теоретической основой для этой «мягкой силы» признается провозглашаемый буддистами принцип ненасилия (ахимсы).

Вместе с этим, обобщив этические взгляды буддистов, некоторые исследователи приходят к парадоксальному выводу об оправдании насилия в буддийской религии. На примерах из буддийских текстов исследователи приходят к мнению, что по мере духовного развития личность получает возможность трактовать моральные нормы и в определенных случаях даже преступать их [Goodman 2017].

Подобные противоречия в большей степени выявляются исследователями в тантрической практике, где верующие сознательно обращаются к гневным божествам, в иконографических образах которых явно выражена их неимоверная психофизическая мощь. В связи с этим широкое распространение тантры в Тибете вызвало многочисленные дебаты об этических основаниях тантрических практик [Davidson 2005: 137].

Тем не менее результаты разных исследований показывают, что буддийская тантра, содержащая специфические черты в своей практике, в своей основе полностью согласуется с этикой буддизма [Ray 2002: 66–69; Buddhism in Practice 2007: 6–7; Hopkins 2008: 126–128].

В силу того, что в поле буддийской традиции калмыков тантрическая практика сочетается с добуддийскими верованиями, то вполне естественно возникает вопрос об этических основаниях. Среди таких практик, прежде всего, выделяются специфические защитные ритуалы, направленные на устранение препятствий, возникающих вследствие ряда причин. Одной из таких популярных защитных практик и является обряд отрезания «черного языка». Во время его совершения читается текст, в котором присутствуют следующие строки:

«Отрезаю язык того, кто со злобой и завистью говорит: „Он сделался сановником, господином и богачом“, язык того, кто клеветает „он болен дурной болезнью“, язык того, кто лжет, говоря, „он присвоил чужое“» [Очиров 1909: 87].

Подобные формулы в ритуальном тексте кажутся крайне противоречивыми по отношению к состраданию и принципу ненасилия, столь важных для буддистов. Даже если учесть символическое значение этих интенций, возникает вопрос о том, насколько гуманной является такая защитная практика, помогающая преодолевать возникшие проблемы. Исходя из этого, целью настоящего исследования является обнаружение этических оснований обряда отрезания «черного языка» в системе буддийских защитных ритуалов и его потенциала для личностного развития. Обозначенная цель требует определения сути и целесообразности защиты в буддизме, установления связи защитного обряда отрезания «черного языка» с буддийскими нравственными основами, выявления значения данного обряда в контексте личностного развития верующих.

Материалы и методы

Для решения обозначенных задач особую значимость приобретает сочетание антропологического подхода с междисциплинарным, что позволяет рассматривать религиозные феномены в их взаимоотношении с другими объектами жизни человека в социуме [Феномен междисциплинарности 2016: 17–30, 285–291]. В данном исследовании применяются анализ этических оснований защитного обряда и герменевтическая методика выявления его значения на основе данных, полученных в ходе этнологического, филологического и религиоведческого анализов. Антропологическое понимание защиты как способа преодоления страха, по сути, являющегося неотъемлемой частью личности [Humphrey 2013: 286], требует выявления психологической взаимосвязи страха с защитными ритуалами.

При исследовании религиозной культуры важно представлять ее как сбалансированное единство, в котором все элементы, включая ее самооценку, тесно взаимосвязаны и являются значимыми в равной степени [Жуковская 2002: 218].

Это позволяет признать теоретическую и методологическую ценность буддийских разработок. В данном случае имеются в виду комментарии авторитетных буддийских наставников, сформировавших общее мнение о буддийской этике и сущности защитных ритуалов в частности.

В качестве материала исследования используется как ойратский текст «Хага келен» и его русские переводы [Очиров 1909; Бичеев 2006; Музраева 2018], так и тибетский текст «'Phags pa kha mchu nag po'i zhi bar byed pa zhes bya ba theg pa chen po mdo» («Святая махаянская сутра, называемая „Умиротворение черных споров“») [Kha mchu nag po].

О природе защитных ритуалов в буддологических исследованиях

Буддийские защитные ритуалы, как правило, рассматриваются в исследованиях традиции тантры, получившей наибольшее распространение в Тибете, Непале и среди монголоязычных народов России. Такие ритуалы предполагают обращение к буддийским божествам-защитникам — дхармапалам. В иконографии буддизма эти божества обычно изображаются в гневной форме, размахивающими оружием и раздавливающими своими стопами человеческие или демонические тела [Nebesky-Wojkowitz 1996: 3–21].

Наряду с дхармапалами роль защитников могут выполнять и другие буддийские святые личности, достигшие просветления, а потому обретшие сверхъестественные способности. Благодаря этому они способны внимать чаяниям верующих и ограждать их от различных страданий. Что касается калмыков, то они по традиции поклоняются и обращаются за помощью не только к гневным защитникам, но и к самому Будде, а также бодхисаттвам буддийского пантеона [Трансграничная культура 2016: 169–175].

Необходимость защиты обуславливается наличием неблагоприятных жизненных ситуаций, детерминированных различными явлениями. К особым причинам человеческих несчастий можно отнести проклятия как вид словесной магии, способной вызвать негативные последствия на физическом уровне для тех, кто верит в их реальную силу.

По мнению одних исследователей, буддийские защитные ритуалы являются одним из бесчисленных методов опыта космической иллюзии, и поэтому призываемые силы оказываются всего лишь обманчивым результатом человеческого невежества. В то же время это не умаляет практической пользы ритуалов в мире, где существование

вещи — это то же, что ее воображаемое существование [Туччи 2005: 230].

По мнению других исследователей, «подобное ритуальное действие выступает своего рода защитным механизмом, направленным на преодоление внешней угрозы. Индивид, усматривая причинную связь между явлениями, интерпретирует отношение причин и следствий, символически замещая их ритуальным действием «подобное подобным». Главный смысл обряда заключается для него в достижении такого состояния, при котором он психологически не чувствует себя больше беззащитным перед угрозой извне [Бичеев 2006: 361].

Буддийский взгляд на сущность и этические основания защитного обряда отрезания «черного языка»

Обряд отрезания «черного языка» — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери имущества и т. д.), вербально спровоцированные недоброжелателями. Каким образом эта защита осуществляется?

В тибетском тексте «Умиротворение черных споров» приводятся следующие наставления Будды:

«Вы, домохозяева, держитесь этой мантры, читайте ее и показывайте другим. Тогда наказания от царя, ссоры, драки, провокации, дурные намерения и т. д. будут успокоены.

Читайте мантру „Тадьятха ом ваджрапанинама ракша / Ом джодогпаргьюртэ / Камчу марая рбад самая дукшанахумхумпахтпахат сваха“» [Kha mchu nag po].

Из приведенной цитаты следует, что защита главным образом осуществляется посредством рецитации мантры.

Его Святейшество Далай-лама XIV (Тензин Гьяцо, род. в 1935) объясняет, что используемые на тантрическом пути мантры являются защитой ума от обыденных видимостей и представлений, которые приводят к страданиям [Далай-лама 2019: XLI].

Следовательно, главным препятствием является не какое-либо существо и его действия, а неведение человека. В буддизме неведение часто персонифицируется в форме Мары — искушителя, стремящегося препятствовать человеку, усердствующему на духовном поприще [Философия буддизма 2011: 436–438].

Лама Тубтен Еше (1935–1984), сооснователь одной из самых влиятельных буддийских организаций в западной культуре «Фонд поддержания махаянской традиции», изложил основные идеи буддийского тантризма. Он обратил внимание на то, что тантрический способ достижения просветления является чрезвычайно радикальным, поскольку влечет за собой полную трансформацию обыденного восприятия реальности за счет осознания *пустотности* бытия, что в итоге буквально искореняет все волнения и конфликты [Lama Yeshe 2014: 43–44].

Пустота в буддийском учении не тождественна общепринятому пониманию *ничто*. Философские воззрения буддистов основываются на том, что никакое явление не может существовать независимо от каких бы то ни было причин и условий.

Основания, которые вкладывают буддисты в необходимость защитных ритуалов, отражены в фундаментальном труде тибетского автора Чже Цонкапы (1357–1419) «Большое руководство к этапам пути мантры» [Цонкапа 2019].

В ней подробно изложены все аспекты духовного пути тантрической практики, опирающегося на мудрость постижения пустоты. Одним из этих аспектов является обращение за защитой и благословением для удаления препятствующих сил. Под последними имеются в виду как люди, так и гипостазированные существа, обладающие сверхъестественными способностями, способные препятствовать духовному развитию верующего. Таким образом, защитный ритуал, в сущности, является обращением к буддийским божествам с просьбой устранить всевозможные барьеры, которые могут возникнуть на пути духовного развития.

Интересно, что, разъясняя ритуал против препятствующих сил, Цонкапа перечисляет различные атрибуты, среди которых упоминаются нити пяти цветов [Цонкапа 2019: 125].

Это положение не дает повода прямо сопоставить описанный ритуал с отрезанием нитей как символов злословия. Однако важно учитывать, что как таковое использование нитей не исключает буддийскую, а именно тантрическую природу обряда отрезания «черного языка».

В тексте защитного обряда отрезания «черного языка» нет прямого упоминания

фундаментальных категорий буддийского учения, но косвенно на это указывает на присутствие в тибетском тексте Бодхисаттвы Манджушри, олицетворяющего буддийскую мудрость и заявляющего о готовности защищать всех, кто будет постоянно рецитировать сутру.

«Затем Бодхисаттва Манджушри сказал: Очень хорошо! Очень хорошо! Тех людей, кто хранит и рецитирует эту глубокую сутру Бхагавана¹, я буду защищать» [*Khamchu nag po*].

После этого Будда дает наказ созерцать Манджушри в своем сердце при чтении сутры.

«Бхагаван сказал: Всякий, у кого возникли черные споры, должен, читая эту сутру семь раз, представлять святого Манджушри в сердце. Все споры будут разрушены, собственные слова будут достойны уважения, сказанному будут верить» [*Khamchu nag po*].

Интерпретация данного фрагмента позволяет связать защиту от злословия с одной из ступеней постижения мудрости, которая ведет личность к дальнейшему духовному совершенству. Если рассматривать злословие как проявление омраченного сознания, то защитный ритуал предполагает устранение собственного неведения, которое, в свою очередь, искажает реальность и вынуждает негативно оценивать бытие. На основании этого возникает страх, а для его преодоления собственно и происходит обращение к буддийскому защитному ритуалу. Современные буддийские наставники подчеркивают, что существование внешних недоброжелателей имеет место только вследствие омраченного сознания. Как только с помощью буддийской мудрости человек освобождается от неведения, гнева и сильной привязанности, его враги сразу же перестают быть врагами, а причиняемый ими вред исчезает без следа [*Sakya Trichen 2020: 138–148*].

С восприятием защитного ритуала через призму буддийской мудрости несомненной становится его прямая связь с буддийской этикой, в основе которой лежит идея *бодхичитты*. Бодхичитта — это особая направ-

ленность сознания на личное просветление как способ оказания предельной помощи страдающим существам и их спасения от оков сансары. В буддизме бодхичитта и мудрость рассматриваются в диалектической взаимосвязи и отражаются в категории *метод – мудрость* (санскр. *упая – праджня*), что отчетливо прослеживается в буддийской тантрической практике [*Философия буддизма 2011: 531–532*].

Таким образом, в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания «черного языка» приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции.

Значение обряда отрезания «черного языка» в контексте личностного развития

Опираясь на вышеприведенные выводы, следует признать, что защитный обряд отрезания «черного языка» в определенной мере способствует личностному развитию, так как направлен на расширение сознания того, кто его осуществляет. Вероятно, именно такое основание вкладывалось при актуализации изучаемого обряда Зая-пандитой.

Исходя из сущности и целесообразности защитного обряда отрезания «черного языка», можно предположить, что буддийские проповедники предусматривают его как один из значимых способов духовной реализации личности. Буддийская практика обряда отрезания «черного языка» непосредственно влияет на сознание человека, трансформируя его посредством обращения к буддийской мудрости и альтруизму. В том случае, когда верующий не понимает сущности ритуала, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий — болезней и неудач, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой.

Заключение

Кажущийся агрессивным императив защитного обряда отрезания «черного языка» в действительности имеет глубокий смысл, основанный на буддийском понимании не-

¹ Бхагаван (тиб. *bcom ldan 'das*; санскр. *Bhagavan* 'Победитель') — эпитет Будды Шакьямуни.

ведения как главного врага, от которого и требуется духовная защита. Верующий обращается к буддийским божествам с просьбой уничтожить неведение, которое искажает восприятие и вынуждает видеть угрозу со стороны других людей. Более того, такой подход полностью согласуется с традиционной для буддизма этической направленностью на сострадание, ненасилие, альтруизм и тем самым способствует личностному развитию верующих.

Это подтверждает, что буддизм является по-настоящему прагматической религией, сводящей обыденные явления к духовному развитию. В связи с этим исчезает сомнение в том, что обряд отрезания «черного языка» благодаря стараниям буддийских проповедников обрел основания буддийской этики. Этот вывод дает возможность продолжать исследование религиозной культуры калмыков с учетом истинного значения наиболее популярных ритуальных практик.

Литература

- Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 161–200.
- Бичеев 2006 — *Бичеев Б. А.* Хар келнэ судр оршв // Очиров Н. Живая старина / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 359–361.
- Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 87–101.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592с.
- Герасимова 1980 — *Герасимова К. М.* О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–82.
- Герасимова 1999 — *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 138 с.
- Далай-лама 2019 — *Далай-лама XIV Тензин Гьяцо.* Сущность тантры // Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо) / пер. с тиб. А. Кугявичуса. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. VIII–LXXIII.
- Дулам 2018 — *Дулам С.* Монголын буриад бөө нэрийн Цагаан өвгөний шүтлэг, тахилга (= Культ и поклонение Белому старцу бурятских шаманов Монголии) // Эрдэм шинжилгээнийгүүллэл. I боть. Домог зүй, бөө мөргөлийн судалгаа (= Исследовательские статьи. Т. 1. Исследования в области мифологии и шаманизма). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. С. 404–419.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Китинов 2015 — *Китинов Б. У.* Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 53–57.
- Кузнецов 2006 — *Кузнецов В. С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН, 2006. 379 с.
- Лунный свет 2003 — *Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники* / пер. с калм. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Музраева 2018 — *Музраева Д. Н.* Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2(13). С. 71–85. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85
- Очиров 1909 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» у калмыков // Живая старина. 1909. Т. XVIII. Вып. II–III. Кн. 70–71. С. 84–87.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 492 с.
- Пурбуева 1984 — *Пурбуева Ц. П.* Биография Нейджи-тойна. Источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 110 с.
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра.* «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. 176 с.
- Трансграничная культура 2016 — *Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков* / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 546 с.
- Туччи 2005 — *Туччи Дж.* Религии Тибета / пер. с итал. О. В. Альбедиль. СПб.: Евразия, 2005. 448 с.

- Феномен междисциплинарности 2016 — Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. 458 с.
- Философия буддизма 2011 — Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
- Цонкапа 2019 — Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо) / пер. с тиб. А. Кугявичуса. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. 800 с.
- Altan 2007 — *Altan S.* An Oirad-Kalmyk Version of the 'White Old Man' Sutra Found among the Archives of the Late Lama Sanji Rabga Möngke Baqsi // *Mongolian Studies: Journal of the Society of Mongolia*. 2007. Is. 29. Pp. 13–24.
- Birtalan 2013 — *Birtalan A.* Cagān Öwgön — The White Old Man in the Leder Collections The Textual and Iconographic Tradition of the Cult of the White Old Man among the Mongols // *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder* / M.-K. Lang, S. Bauer (eds.). Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 84–94.
- Buddhism in Practice 2007 — *Buddhism in Practice. Abridged Edition* / ed. by D. S. Lopez, Jr. Princeton. Oxford: Princeton University Press, 2007. 464 p.
- Davidson 2005 — *Davidson R. M.* Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. NY: Columbia University Press, 2005. 596 p.
- Futaki 2005 — *Futaki H.* Classification of Texts Related to the White Old Man // *Quaestiones Mongolorum Disputatae I*. Tokyo: Association for International Studies of Mongolian Culture, 2005. Pp. 35–46.
- Goodman 2017 — *Goodman Ch.* Ethics in Indian and Tibetan Buddhism [электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2017 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/ethics-indian-buddhism/> (дата обращения: 17.04.2022).
- Heissig 1966 — *Heissig W.* Mongolische volksreligiose und folklorische Texte. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 256 p.
- Hopkins 2008 — *Hopkins J.* Tantric Techniques. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2008. 424 p.
- Humphrey 2013 — *Humphrey C.* Fear as a property and an entitlement // *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. 2013. No. 21. Pp. 285–304. DOI: 10.1111/1469-8676.12033
- Lama Yeshe 2014 — *Lama Yeshe.* Introduction to Tantra: The Transformation of Desire / ed. by J. Landaw. Boston: Wisdom Publications, 2014. 192 p.
- Nebesky-Wojkowitz 1996 — *Nebesky-Wojkowitz R., de.* Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p.
- Ray 2002 — *Ray R. A.* Secret of the Vajra World. The Tantric Buddhism of Tibet. Boston & London: Shambala, 2002. 524 p.
- Sakya Trichen 2020 — *Sakya Trichen Rinpoche.* Freeing the Heart and Mind. Part Three: Teachings of the Sakya Path. Boston: Wisdom Publications, 2020. 176 p.
- Sárközi 1983 — *Sárközi A.* Incense-offering to the White Old Man // *Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band. 18* / ed. by K. Sagaster and M. Weiers. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. C. 357–369.
- Kha mchu nag po — 'Phags pa kha mchu nag po'i zhi bar byed pa zhes bya ba theg pa chen po mdo (= Святая махаянская сутра, называемая «Умиротворение черных споров») // 'Phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo sogs (= Святые махаянские сутры, называемые «Безграничная жизнь и мудрость»), pp. 214–221 [электронный ресурс]. *Buddhist Digital Resource Center*. URL: http://purl.bdrc.io/resource/MW1NLM2019_3964DC (дата обращения: 05.03.2022).

References

- 14th Dalai Lama Tenzin Gyatso. Essence of Tantra. In: Tsongkhapa Je. The Great Exposition of Secret Mantra (*sngags rim chen mo*). A. Kugevičius (transl.). In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: A. Terentyev, 2019. Pp. VIII–LXXIII. (In Russ.)
- Altan S. An Oirad-Kalmyk version of the 'White Old Man' Sutra found among the archives of the late Lama Sanji Rabga Möngke Baqsi. *Mongolian Studies: Journal of the Society of Mongolia*. 2007. No. 29. Pp. 13–24. (In Eng.)
- Badmaev A. V. (comp.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Kalmyk Buddhism: Past and present. In: Zhukovskaya N. L. (comp., ed.) *Mongolic Peoples of Russia: Religion in History and Culture*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 161–200. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. The Cross-Border Culture: Comparative Essays on Traditions of Westerns Mongols and Kal-

- myks. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 546 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. Sutra of [Cutting off] the Black Tongue. In: Ochirov N. [Keeping] The Old Customs Alive. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. Pp. 359–361. (In Kalm. and Russ.)
- Bicheev B. A. The rite of ‘cutting off the black tongue’: Tradition and present days. *Polevye issledovaniya*. 2014. No. 2. Pp. 87–101. (In Russ.)
- Birtalan A. Cagān Öwgön — the White Old Man in the Leder Collections. The textual and iconographic tradition of the cult of the White Old Man among the Mongols. In: Lang M.-K., Bauer S. (eds.) *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder*. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 84–94. (In Eng.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Davidson R. M. Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. New York: Columbia University Press, 2005. 596 p. (In Eng.)
- Dulam S. The cult and veneration of the White Old Man among Buryat shamans of Mongolia. In: [Collected] Scholarly Articles. Vol. 1: Studies in Mythology and Shamanism. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. Pp. 404–419. (In Mong.)
- Futaki H. Classification of texts related to the White Old Man. In: Futaki H., Oyunbilig B. (eds.) *Quaestiones Mongolorum Disputatae I*. Tokyo: Association for International Studies of Mongolian Culture, 2005. Pp. 35–46. (In Eng.)
- Gerasimova K. M. Pre-Buddhist cults in Tibetan ceremonials: Some aspects of assimilation reviewed. In: *Buddhism and Medieval Central Asian Cultures*. Novosibirsk: Nauka, 1980. Pp. 54–82. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Protection Rituals in Central Asian Buddhism. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 138 p. (In Russ.)
- Goodman Ch. Ethics in Indian and Tibetan Buddhism. On: Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. Spring 2017 Edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/ethics-indian-buddhism/> (accessed: 17 April 2022). (In Eng.)
- Heissig W. Mongolische volksreligiose und folklorische Texte. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 256 p. (In Germ.)
- Hopkins J. Tantric Techniques. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2008. 424 p. (In Eng.)
- Humphrey C. Fear as a property and an entitlement. *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. 2013. No. 21. Pp. 285–304. (In Eng.) DOI: 10.1111/1469-8676.12033
- Kitinov B. U. Buddhist culture: From the possibility of “soft power” to Lumbini potential. *Asia and Africa Today*. 2015. No. 7. Pp. 53–57. (In Russ.)
- Komarova G. A. (ed.) *The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russia’s Ethnology*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2016. 458 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. The Buddhist Factor in Contemporary China’s External Policy. Moscow: Institute of the Far East (RAS), 2006. 379 p. (In Russ.)
- Lopez D. S. Jr. *Buddhism in Practice*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007. 464 p. (In Eng.)
- Muzraeva D. N. A xara kele text from O. M. Dordzhiev’s collection. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 2 (13). Pp. 71–85. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85.
- Nebesky-Wojtkowitz R. de. *Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p. (In Eng.)
- Ochirov N. Yöräls, kharals, and the Kalmyk rite of ‘cutting off the black tongue’. *Zhivaya starina*. 1909. Vol. XVIII. Nos. II–III. Books 70–71. Pp. 84–87. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. *Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Purbueva Ts. P. *The Biography of Ven. Nayiji Toyin: A Sources in the History of Mongolia’s Buddhism*. Novosibirsk: Nauka, 1984. 110 p. (In Russ.)
- Ratnabhadra. *The Moonlight: A Biography of Ven. Zaya Pandita*. Facsimile of the manuscript. G. Rumyantsev, A. Sazykin (transl.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Oir. and Russ.)
- Ray R. A. *Secret of the Vajra World. The Tantric Buddhism of Tibet*. Boston, London: Shambhala, 2002. 524 p. (In Eng.)
- Sakya Trichen Rinpoche. *Freeing the Heart and Mind. Part Three: Teachings of the Sakya Path*. Boston: Wisdom Publications, 2020. 176 p. (In Eng.)
- Sárközi A. Incense-offering to the White Old Man. In: Sagaster K., Weiers M. (eds.) *Documenta Barbarorum. Celebrating the 70th Birthday of Walter Heissig*. Transactions of Societas Uralo-Altaica. Vol. 18. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. Pp. 357–369. (In Eng.)

- Stepanyants M. T. (ed.) *Philosophy of Buddhism: An Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 1045 p. (In Russ.)
- The Noble Mahayana Sutra Entitled 'Pacification of Black Disputes'. In: [Collected] Noble Mahayana Sutras Entitled 'Boundless Life and Wisdom'. Pp. 214–221. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: http://purl.bdrc.io/resource/MW1NLM2019_3964DC (accessed: 5 March 2022). (In Tib.)
- Thubten Yeshe. *Introduction to Tantra: The Transformation of Desire*. J. Landaw (ed.). Boston: Wisdom Publications, 2014. 192 p. (In Eng.)
- Tsongkhapa Je. *The Great Exposition of Secret Mantra (sngags rim chen mo)*. A. Kugevičius (transl.). In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg: A. Terentyev, 2019. 800 p. (In Russ.)
- Tucci G. *The Religions of Tibet*. O. Albedil (transl.). St. Petersburg: Evraziya, 2005. 448 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. *Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

